

Предвестник / Harbinger (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Предвестник / Harbinger (рассказ)

Автор	Сара Коквелл / Sarah Cawkwell
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Серия книг	Валькия Кровавая
Входит в сборник	Чемпионы Хаоса / Champions Of Chaos (сборник)
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

- Пусть зовёт. Я не пойду.

Каждый в нашей деревне знает мнение старейшего. Но я, я знаю его куда лучше: упрямый старый дурак, который слишком высоко ценит свою гордость и внешнее впечатление. Он гордится, кем мы стали. Эти годы видели, как мы из простых охотников-собирателей, когда он был ещё пацанёнком, становились земледельцами. Наша жизнь нелегка, очень нелегка. Эта земля не даёт хороших всходов, и

наша пища - это, в основном, либо то, что мы находим в лесу, либо рыба из текущей неподалёку реки. Да, наша жизнь трудна, но куда лучше, чем жалкое существование, которое ведут некоторые другие племена дальше к северу.

Я слышал, что не так уж далеко на юге находится край великой цивилизации. Возможно, мои дети, или дети моих детей, найдут это место. Впрочем, это в любом случае произойдёт не при моей жизни.

Независимо от того, что поддерживает в старике упрямство, сейчас оно полностью овладело им. Он качает головой, когда я вновь передаю просьбу нашего гостя поговорить с ним.

- Нет! Ты не затащишь меня к смертному ложу чужака. Я ему ничего не должен.

- Но...

Он прикладывает палец к губам, обрывая мой нерешительный укор.

- Я знаю. Ты хочешь сказать - он умирает. Ну, это его проблема. Он варвар. Почему это должно меня беспокоить? Там, куда приходят такие, как он, за ними приходит беда. Я увижу его, когда его тело будет готово к погребальному огню. Не раньше.

Старейший откидывается на обитую мехом спинку стула и скрещивает руки на груди. Я злюсь на него. Это неразумно, но всё же. И я не совсем понимаю, почему. Разумеется, он прав. Грубые дикари горных племён не ведут торговлю, лишь жажду кровопролития несут они в сердца наших людей. Но этот человек умирает и вновь и вновь спрашивает старейшину. Чтобы объясниться. Его просьба искренняя, я не сомневаюсь в этом.

Огонь отбрасывает на стены хижины старейшего тени, тени, что кружатся и извиваются, тени без формы и очертаний. Я долго смотрю на него. Сам огонь является символом его статуса и силы. Ни у кого из нас нет собственного очага. Он запретил. Мне разрешается разводить огонь для приготовления моих снадобий и мазей, но вся еда готовится в общей яме снаружи.

Он старше меня на пятнадцать лет - не столь большая разница в возрасте, но достаточная, чтобы он пережил всех своих врагов и считался самым мудрым человеком в деревне. Более того, он воитель среди наших людей. Я же - стареющий целитель, тот, кого называют Старой Матерью. Вряд ли лестно, но довольно метко.

Старик был нашим лидером последние десять лет и привёл нас к многочисленным победам в противостоянии бесчисленным набегам северных племён. Он сподвиг нас на ответные удары. Впрочем, эти атаки редко приносили нам что-либо, кроме новых смертей. Теперь же он постарел. Война больше не поёт ему, как когда-то. Его артритные ноги и больные колени больше не выносят его в первые ряды боевой линии. Его время истекает. Но это его время, и он потратит его так, как хочет именно он.

Упрямый дурак. Я продолжаю давить на него, движимый старой виной, что гложет меня. Виной, рождённой много лет назад со смертью незнакомца, от которого я отвернулся. Это отсутствие сострадания стало причиной одной из страшнейших битв между несколькими племенами - в том числе и нашим - что я могу вспомнить. И всё потому, что я был молод и глуп и сказал «нет» нуждающемуся человеку. Всю оставшуюся жизнь я пытаюсь искупить тот грех.

- Пожалуйста, - говорю я уже в четвёртый раз. - Я прошу вас. Выполните последнюю просьбу умирающего человека, - и тут меня словно ударило. Верный способ добиться его согласия наполнил мой разум. - Если мы откажем ему в этом, то чем мы лучше подобных ему? Да, он варвар. Но смерть

одинакова для всех. Мы должны отнестись к его смерти с таким же уважением, как к кончине любого из наших сородичей. Вы позволили бы кому-либо из нашей деревни отойти к предкам, не выслушав его последнего слова?

Мои слова звучат искренне. Я вижу, как в глазах старейшего мелькнула вина. Волна торжества поднимается в моей груди, когда он начинает покусывать нижнюю губу. Даже старик понимает, что нет ничего хорошего, если подвергнуть сомнению древние традиции наших людей. Он смотрит на меня долгим задумчивым взглядом и, наконец, говорит слова, которые я ожидал услышать.

- Хорошо. Я поговорю с этим человеком. Но когда он умрёт, я хочу, чтобы его тело вывезли за границы деревни и сожгли. Это ясно, целитель?

- Кристально.

Я сохраняю на лице торжественное выражение, но бремя в моей душе неохотно смягчается его согласием встретиться с умирающим варваром. Три дня и две ночи этот человек лежал в моей хижине, цепляясь за жизнь с упорством первых весенних цветов. Кровь из раны в груди текла не переставая. И всё же - он не умер. Я не могу закрыть рану. Ничто из того, что я делаю, не в силах остановить кровь. Я испробовал все лекарства. Я даже пробовал сшить рану кетгутом, но она открывалась вновь, раз за разом.

Его кожа холодная и влажная: тускло-белая, как у призрака. Пока я не встретился с ним, я даже не мог представить, что человек может испытывать такие муки и при этом всё ещё жить. Подобное упорство, столь крепкая хватка за разбитое существование - это вещь, лежащая далеко за пределами моих знаний. Его отчаянное желание поговорить со старейшим, прежде чем его заберут те, не важно какие, дикие боги, которым он поклоняется, вызывало любопытство.

Я провожу старейшего в свою хижину, где занимаюсь врачеванием. У меня почти столь же высокий статус в деревне, как у него, и я никогда не протестовал против того, что подобное положение давало мне. Я родился с даром - внутренним пониманием целебных свойств растений и трав. Это принесло здоровье и благословенное богами долголетие моему народу, сильным и выносливым людям. Мы добираемся до хижины, и моя рука нерешительно застывает перед дверью.

- Приготовьтесь, - предупреждаю я старейшего, - то, что вы увидите, вряд ли вам понравится.

Он напрягся, хотя жизнь, полная борьбы и войн, уже показала ему множество способов, каким смерть может настичь человека. Он кивает: резкий, тревожный жест. Я открываю дверь, и в тот же миг изнутри вырывается зловоние смерти, её едкие, медные пальцы прикасаются к нам.

Воздух отравлен вонью гниющей плоти. Я испробовал всё, но рана продолжает гноиться. В сочетании с природным запахом человека, который родился воином, и посему купание всегда было анафемой для него, воздух в комнате - миазматический туман гнусности. Старейший кривится от отвращения и не делает никаких попыток скрыть это. За последние дни я привык к запаху, ну или почти привык. Не говоря ни слова, я вручил старейшему небольшой нанизанный на шнурок и остро пахнущий узелок, наполненный множеством трав. Он привязывает его к своему лицу и с наслаждением вдыхает острый аромат. Он рассеивает худшую вонь.

Наш «гость» лежит на полу, простыня свободно покрывает его тело. Намётанным взглядом я замечаю, что кровь снова просочилась через ткань, приклеив простыню к коже несчастного. Он дикарь во всех смыслах этого слова. Когда он приехал, то был обнажён по пояс, поэтому я и не стал ничего менять. Его

тело бугрилось тугими узлами мускул, а смуглую плоть, выглядывающую из-под простыни, покрывала грубая татуировка - какие-то символы. Его волосы, светлые и длинные, спутаны в колтуны, а лицо, широкое и грубое - по крайней мере, та его часть, которую я могу разглядеть за кустистой бородой - искажено ужасной болью от раны.

- Я здесь, - произносит старейший между вдохами через мешочек с травами, - говори.

Воин, с мучительной медлительностью поворачивает голову на звук голоса старейшины. Медленная улыбка заметно меняет выражение его лица. Я поднимаю чашу с водой, которая стоит на столе, и подхожу к нему. С нежной заботой я осторожно снимаю простыню с ужасной раны в груди, раны, что должна была уже давно убить его.

- Это старейшина нашей деревни, - говорю я своим лучшим успокаивающим тоном, начиная, уже, наверно, в тысячный раз, очищать его вонючую рану. - Я обещал, что приведу его. И вот - он здесь.

Мужчина что-то произносит на своём родном языке, и я качаю головой.

- Я не могу понять тебя. Говори так же, как и раньше. На общем языке, - старейшина резко смотрит на меня, и я понимаю, о чём он думает. Хотя некоторые из племён перебрались ближе к югу и стали более цивилизованными, у нас есть общая родословная, которую бессмысленно отрицать. Поэтому существует ядро языка, которое прочно укоренилось в каждом племенном диалекте. Для таких людей, как деревенский старейшина, старик, который помнит тяжёлые времена, этот жаргон - тяжёлое воспоминание о том, кем мы были когда-то.

Когда несчастный, наконец, начинает говорить, то делает это с большим трудом. Формы незнакомых звуков для него нелегки, а все силы, что ещё теплятся в нём, сосредоточены на том, чтобы сделать очередной вдох. Но постепенно, мучительно медленно, история начинает складываться. В хижину просачивается свет уходящего дня, последние лучи солнца, опускающегося за деревья. Он зачаровывает нас своими словами и мне вспоминаются скальды, хранящие историю племён в сказаниях, передающихся от поколения к поколению. Он рисует такую живую картину, что мы видим всё так ярко, будто стоим рядом с ним, наблюдая, как разворачивается цепочка катастрофических событий. В великом театре нашего разума мы вновь переживаем рассказ воина.

Уставшие воины шли долгой дорогой домой. Кампания была жестокой, кровавой, но они победили. Они возвращались, не забыв никого: тела победоносных мертвецов покоились на временных носилках, которые несли через густеющие леса, что, в конце концов, привели бы их к семьям. Затем будут длительные и сложные ритуалы для мёртвых и павших. И более короткие, но не менее сложные - для победивших живых. Там будут обильные пиршества и весёлые празднества. И рассказы.

Неудивительно, что отряд шёл, всё увеличивая темп.

Трофеи с почтением несли младшие воины. Те, для кого этот набег был первым в жизни, что была участью клана. Необходимость защищать и отстаивать то, что принадлежит им по праву, от тех, кто пытался это отнять. Для таких не было и не могло быть пощады.

Зверь в облике человека шёл во главе возвращающейся армии. Мощные плечи и мускулистый торс выпирали из-под останков тунки, что некогда покрывала воина. Его лицо - тёмная масса узоров: татуировки, имевшие важное символическое значение для его людей, и другие - столь же важные для него самого. Посвящения богам племени, его старейшинам, его истории... все они создавали массу

тёмного цвета, что придавала его облику зримую угрозу. За ним следовали те, кто воспевал его исключительные деяния героической отваги. Песни не были средством, что могло в полной мере описать его мужество и бесстрашие, но в головах тех, кто был настроен петь, слова, казалось, сами складывались в стихи.

Да, бой был долгим и трудным, но теперь всё кончено. Из головы отряда донеслись громкие крики, ибо воины узрели первые домашние костры, закручивавшиеся позади деревьев, Радужные запахи манили их вперёд, и предвкушение ускорило их шаги.

Дом.

Там не было особо на что смотреть. Несколько шатких деревянных избушек, окружённых чуть большим количеством палаток и навесов. С одной стороны прилепился небольшой загон для немногочисленной домашней живности, которой владели жители деревни - несколько коз. Козы, да ещё куры, что квохтали и рылись в земле по всему поселению. Ничтожное количество жителей вышли из домов, чтобы поприветствовать возвратившихся: почти все участвовали в битве. Остались только дети, да старики. Да женщины, которые считались слишком важными, чтобы потерять их.

Когда они подошли ближе, то воины остановились и позволили своему вожаку первому перешагнуть порог деревни клана. Его встретили четверо мужчин, чьи лица были скрыты за тщательно вырезанными деревянными масками. Каждая обладала уникальным рисунком, и близнец каждой мог быть найден среди бесчисленных татуировок, вившихся на лице вожака. Один, чьё лицо скрывалось за маской, изображавшей стилизованный череп, шагнул вперёд.

- Ни шагу дальше. Ответствуй нам. Ответствуй тронутым богом - победы ли сей день?

- Этот день - день победы, - ответил вожак, сильнейший из рода. Он сперва опустился на одно колено, затем на второе, а после упал на четвереньки и склонил голову, пока не коснулся носом земли. Когда он снова заговорил, то его голос был приглушен землёй у ног тронутого богом. - Победы день. Наш народ восторжествовал. Все приветствуют возвращение Эдред.

- Ты привёл их к победе, - сказал человек в птицеподобной маске. - Поднимись же, Эдред. Поднимись и получи награду, - он протянул искривлённую руку в сторону распростёртого воина, отметив свежие шрамы, что появились на теле атамана, отлично видимые под ошметками его кожаной туники. Эдред медленно поднял голову, а затем принял руку старейшины, встав на ноги и воспаряя вместе со звуком своего имени, когда племя потребовало рассказов о битвах и поверженных врагах. - Почести военного вождя - твои. Ты заслужил их.

Как только ритуал встречи закончился, взбудораженные воины хлынули в деревню, встречаемые радостно теми, кого они оставили, и печально - кому принесли скорбную весть. Но подобная печаль не могла продолжаться долго после вестей об окончательной победе над великим врагом. Эдред искал взглядом супругу, изо всех сил протискиваясь через толпу. В этот раз его трое детей, все мальчики, были ещё слишком молоды, чтобы взять в руки мечи, но в следующий раз...

Его имя произносилось вновь и вновь, окутываемое потоками восхвалений. Самый приятный звук, что он слышал за всю жизнь. Его едва не разрывало от гордыни, и на мгновение он позволил себе роскошь потешить самолюбие.

Эдред! Эдред! Эдред!

Два слога повторялись снова и снова, звуки наслаивались один на другой, пока его имя, наконец, стало и

вовсе неразличимым. Как он ни противился, но в конце концов его подняли на руки и, оставив раненых и павших на попечение женщин, потащили в центральный ритуальный круг. Это была не очень удобная поза, но он не возражал. Все глаза смотрели на него.

Они боготворят меня.

Это знание возбуждало страсть в его груди - желание жизни и битвы разогревали его кровь, пока он больше не мог уже сдержать этого порыва. Эдред откинул голову и издал звериный и дикий торжествующий вопль. Пусть они поклоняются ему. Он и был равен богам. Мысли о семье сгинули прочь, пока он купался в обожании своих соплеменников.

Они по-прежнему повторяли его имя, и он пил их поклонение, как умирающий последнюю чашу хмельного мёда. Он смаковал этот момент с тем же голодным чувством, что все эти годы вело его к званию военного вождя. От мальчика к мужчине жизнь Эдреда была вымощена трупами бесчисленных противников. Бесстрашный на поле боя, хитрый и коварный стратег, он вёл своих людей от победы к победе. Он мельком глянул над головами окружавшей его толпы. За их плотно стиснутыми телами он увидел трёх старух, которые проводили последний ритуал над телами павших, рисуя три круга на их безжизненных лицах, чтобы властелины мира-что-за-чертой радостно приветствовали их. Когда обряд завершился, тронутый богами, что говорил от лица Властелина Смерти, проследил за тем, как их тела похоронили под тотемом племени на восточном краю деревни.

Громкие вопли разнеслись над людским столпотворением - люди вновь требовали рассказа о победе. Но были сегодня и другие вещи, которые следовало сделать. Показ трофея. Голова лидера вражеской армии. Эдред положил руку на холщовый мешок, перекинутый через плечо. Дно мешка потемнело от пролитой крови, но он открыл его и засунул одну руку внутрь. Эдред вскинул другую руку, пытаясь заставить толпу замолчать. Постепенно крики и аплодисменты начали стихать, подобно воде, отходящей от берега во время отлива, пока, наконец, не сгустилась жуткая мрачная тишина.

- Мой народ, - сказал Эдред, и ему не пришлось кричать. Они внимали каждому его слову. И он приветствовал это. Он жаждал этого. Это было столь же приятно, как он и думал. Я сильный Я *непобедимый*. Его взгляд ухватывал всё: здания, ритуальный плач тронутого богом у тотема Властелина, людей, что с полным обожанием смотрели на него. - Мой народ. Наш враг сокрушён! Враги, что стремились отнять нашу землю, стали кормом для воронья, а мы восторжествовали! Годы страданий от их рук закончились! Пришло наше время!

Тишину расколол новый вопль восторга. Эдред снова поднял руку и вновь на плечи толпы словно упал саван тишины. Они хватались за каждое его слово, за каждый слог, каждый звук, срывавшийся с его губ, и он грелся в их поклонении. Почему бы не вытянуть его из них ещё немного? Его пальцы сомкнулись на покрытых кровью волосах лишённой тела головы в его мешке.

- С каждым часом битва становилась всё ожесточённей, - продолжил он, говоря достаточно тихо, чтобы его людям пришлось напрягать слух, дабы услышать каждое его слово. - Всю ненависть мы обрушили на наших врагов, и они сражались, как сам Палач. Мы потеряли многих доблестных воинов от поцелуев их топоров и трусливых укусов их стрел. Но мы не отступили. Мы пробились через их боевую линию, и когда их стена щитов сломалась, мы обрушились на них, словно волки на стадо овец, - медленная улыбка появилась на его грязном окровавленном лице.

Среди своих соплеменников Эдред считался красивым мужчиной. Для тех же, кто не входил в его племя - он лишь на шаг отстоял от дикого зверя. Татуировки и волосы на лице вместе с его огромными

размерами придавали ему вид скорее животного, чем человека. Его лицо покрывали свежие шрамы, полученные за последние, наполненные битвами дни, сгустки запёкшейся крови виднелись в его песчаного цвета светлой бороде и длинных заплетённых в косы волосах. Его лицо и тело наполнились жизнью, пока он рассказывал историю, его руки жестикулировали, его голос был тих и наполнен трагическими воспоминаниями.

- Горы всегда были их землёй, но мы сломили их на их склонах. Мы вытащили их из их нор и башен и разожгли пожары в их пещерах. Они прятались, как гусы, за своими стенами. Но мы не отступили. Мы сломали их щиты. Мы проббили их ворота, - его руки сжались в кулаки, и он ударил себя в грудь. Где-то в толпе его жест был подхвачен и дальнейший его рассказ сопровождал устойчивый ритмичный стук.

- Мы сражались час за часом. Мы оттеснили их в их главный зал. И всё же упрямые ублюдки отказывались умирать. Говорите что угодно о наших врагах, но они умели цепляться за жизнь. Но это не продлилось долго. Мы прикончили воинов у их двери и перешагнули порог. Мы обнаружили, что их лидер скрывается за спинами своих воинов, слишком трусливый, чтобы биться с ними бок о бок. Его убийство было воистину славным делом. Реки крови пролились, пока он наблюдал, бессильный и никчёмный. Он был стар. Его время прошло. Мы перебили его подданных. Мы забрали его сокровища. Когда я взял свой меч... - он похлопал по рукоятке огромного оружия, которое он носил притороченным к спине, - ...одним ударом мы забрали и его голову!

С этими словами он вытащил голову вражеского вожака и высоко поднял над толпой. Серо-стальные волосы были столь же кровавыми, как и его заплетённая в две косицы борода, росшая из квадратной челюсти.

- Когда я убил его, то посвятил его смерть властелину битвы. Кровь кровавому богу! - закричал он так, словно пытался докричаться до небес. - Кровь кровавому богу!!!

Крик был подхвачен и взвился над деревней, когда все жители присоединились к Эдреду в восхвалении своего кровожадного божества, чтобы он принял их подношения, что они сложили у подножия его трона из черепов. Принял и вознаградил их.

Награда пришла, но только после того, как начался праздничный пир.

- Поддай огня, - приказывает мне старейший. Холод поселился в хижине, несмотря на относительно тёплый вечер. Не задавая вопросов, я делаю, как он велит. Умиравший человек слабо закашлялся, и из уголка его рта потекла струйка крови. Рассказывая свою историю, он использует каждую унцию угасающих сил. Смерть близка и внезапно я раздражаюсь на него за то, что он избавляется от тягот и терзаний мирской жизни. Неожиданно я возжелал, чтобы он не умирал.

Я хочу услышать конец его рассказа. Я хочу узнать, что случилось, как он оказался в том состоянии, в каком пришёл к нам. Что стало с его людьми? Я снимаю влажную охлаждающую ткань с его горячей в лихорадке головы и отжимаю её в миске с водой. От его крови она приобретает лососево-розовый оттенок, но я охлаждаю её и снова кладу ему на лоб, принося небольшое облегчение. Он смотрит на меня. Это благодарность я вижу в его глазах? Благодарность или... жалость?

- Выпей, - я подношу к его губам кружку с солоноватой чуть тёплой водой. Его горло должно быть пересохло. Свет дня уже почти исчез, и он уже проговорил больше, чем любой из нашей деревни. Он сделал глоток и на секунду или две откинулся на спину, слабый, истощённый. Глаза его закрылись и полная уверенность, что он умер, накрыла меня. Я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на старейшего, и

моё разочарование отразилось на его лице.

Молчание затягивалось. Внезапный скрежет в его груди, когда воин пытался сделать судорожный вдох истерзанными лёгкими, оказался настолько внезапным, что я дёрнулся и расплескал немного воды. Его веки затрепетали, и он вновь открыл глаза. Резким от угасающей силы голосом он возобновил свой рассказ.

- Награда пришла, - сказал он, - но только после того, как начался праздничный пир...

Они пили мощное, пьянящее варево, перегнанное из сока ягод, найденных в лесу недалеко от деревни. Съеденные прямо с куста, плоды вызвали галлюцинации и улучшали здоровье в диковинно равных пропорциях. Заваренные же - приносили невиданное ощущение благополучия и чувство непобедимости. Жители деревни пили и пели. Они танцевали и воплощали *фантазии*, сражаясь друг с другом на наспех очерченной арене, воссоздавая сцены победы Эдреда. Шесть пьяных воинов воинственно шатались по арене, в то время как седьмой - ползающий на коленях в знак пренебрежения над ростом противника - изображал из себя генерала карликов. Он отчаянно взмахнул деревянным мечом и тут же упал под натиском «Эдреда» и его отряда.

Восседая на специальном помосте, настоящий герой сей сценки наблюдал за скоморешством своих соплеменников с удовольствием в глазах и улыбкой на губах. Его супруга была рядом с ним и рука Эдреда мягко обнимала её за плечи. С ней он родил своих детей, сыновей, мальчиков, которые могли закрепить его растущую репутацию, а в дальнейшем пронести славу его имени в будущие поколения.

Он редко думал о единственной дарованной ему дочери - словно в какое-то наказание от одного из богов. Не зная впрочем, какой именно бог соизволил прогневаться на него, он принял совет тронутых богом. Чтобы успокоить всех четверых, младенца оставили запеленатым на склоне холма, дабы сами боги вынесли свой вердикт. Выхаживать дочерей - удел землепашцев, а не воинов.

Он уже долгое время убивал врагов своего народа, и наконец, последний пал к его ногам. Он чувствовал себя непобедимым. Самым могущественным воином из всех, когда-либо ходивших по земле. Боги вознаградят его, он знал это.

Ночь опустилась на маленькую деревушку, окутав её плащом из благоуханной тьмы. Звёзды пробили завесу, вступая на ночное бдение и наблюдая за Эдредом и его людьми. Он глубоко вдохнул, упиваясь всем, что было, и тем, что ещё предстоит.

И это был последний раз, когда он сделал это.

Вдыхая сладкий воздух, он посмотрел вверх. Облака скрыли бледную луну, и землю залил зелёный свет её тёмного близнеца. Эдред на мгновение уставился на неё и резко выдохнул. Ночные ветры что-то несли с собой. Что-то, что, как он думал, уже не почувствует снова так скоро после прошедшей войны с коротышками. Запах крови, металлический и острый, наполнил воздух. Его окутанный парами алкоголя разум мгновенно прояснился, и он потянулся к рукоятке двуручного меча. Постановка битвы уже почти завершилась, хотя некоторые из наиболее опьяневших воинов ещё и стойко сражались друг с другом. Эдред заставил свои инстинкты, приглушённые и смягчённые парами пьяных ягод, вновь вернуться к остроте битвы.

- Что-то идёт, - сказал он. Его глаза метнулись к стоявшим на страже на окраинах посёлка воинам. Облако скрыло лик луны, и мир затаил дыхание.

А секунды спустя ворвались они. Тёмные тела и мерцающие клинки, казавшиеся реальными лишь наполовину. Сперва никто не мог их нормально разглядеть, но их присутствие ощущалось, как волна страха, что нахлынула на ничего не подозревающих празднующих победу людей. Бесконечное зло: сила бесчисленных эонов, направляемая через обретающие форму демонические создания. Тень дерева вытянулась вверх, превратившись в длинное худое существо с острыми когтями. Несколько гораздо меньших, но более коренастых созданий примостились у его подножия.

С края деревни, из-за оравы празднующих раздались первые крики, и веселье и не обременённое заботами ощущение, охватившее Эдреда и его людей, тут же разбилось на забытые осколки.

- Союзники горного племени! Они явились, чтобы сыскать возмездие! - Эдред вскочил на ноги, всё ещё не очень твёрдо стоя на ногах от выпитого пойла, по-прежнему цепко сковывавшего инстинкты воина. У него не было особых причин верить своим словам, но в дурмане собственной непобедимости, это было единственным подходящим объяснением. - К оружию, мои люди, к оружию!

Его супруга зашипела и присела в защитную позицию - привычка, усвоенная за годы, что она провела, будучи щитом Эдреда. Но щит был оставлен на время празднества, и вместо него она обнажила длинный изогнутый кинжал. И в этот миг первый из демонов вырвался из теней на свет костра. Звероподобное создание, сгорбленное и увитое гибкими мышцами, отлично видимыми сквозь багровую кожу, что скользила и обвивала равно кости и органы. Неуклюжей походкой оно бросилось к помосту, на котором восседали Эдред и его женщина и наслаждались спектаклем-воссозданием его великой победы. На пути пришельца выросли трое воинов Эдреда. Он схватил первого огромными, напоминающими лопаты ручищами и с пренебрежительной лёгкостью, словно сухую ветку, сломал человеку спину. Его длинные острые когти возились в живот второму, потроша его и, расплескав на землю кишки несчастного, оставляя воина бессильно испускать дух в кроваво-грязной луже. Третий дёрнулся было прочь.

Поздно. Стая искривлённых гончих, что скалила зубы у ног демона, бурей клыков и когтей налетела на улелётывающего человека и разорвала на клочки в яростном упоении резни.

Более никто не встал на пути демона, пока он шёл к Эдреду. Его глаза были кроваво-красными щелями с маленькими чёрными зрачками, что расширились при свете огня. Его рогатая, вытянутая голова наклонилась на бок, и из его ноздрей вырвалось пахнувшее золой и прогорклым мясом фырканье. Он хрюкнул разок-другой, а затем зарычал на языке соплеменников Эдреда, словно был просто ещё одним гостем.

- Я предвещаю твою награду, Эдред. Моя госпожа услышала твои молитвы, и её чемпион идёт за тобой.

Несколько долгих мгновений Эдред молчал, не в силах вымолвить ни слова. Ярость сражалась с удивлением, пока он боролся с желанием напасть на созданное Богом существо. Он знал множество легенд, что родились в подобные моменты. Он должен сосредоточиться. Торжества вокруг уже давно прекратились, и над деревней повисла тишина, что провоняла смертью его людей. Некоторые упали на колени, безмолвные от ужаса, излучаемого демоном. И всё же Эдред ощутил, как сила вновь возвращается в его голос, когда пальцы сомкнулись вокруг рукояти меча, и знакомое прикосновение вновь вернуло в его разум воспоминание о статусе защитника его людей.

- Твоя госпожа?

- Супруга нашего прославленного господина. Валькия услышала твой зов о награде Эдред Убийца Гномов. Она отправила того, у кого ты сможешь потребовать свой дар, - другие демоны начали выскальзывать из теней, присоединяясь к первому. Они шипели и рычали - создания тьмы, которым

придали подобие человеческого облика силы, что были далеко за пределами понимания Эдреда.

Где-то на самом краю слышимости Эдред слышал треск подлеска под чьими-то тяжёлыми шагами. Что-то огромное шло через лес. Никакая лошадь не могла вызвать такой шум. Ни одно знакомое Эдреду существо не могло издавать такой грохот, словно при ходьбе просто выдирало вставшие на пути деревья из земли и прорезало свою собственную тропу через лес. Это гром обладал ритмом. Сердцебиение природы и хаоса, бившиеся в идеальном ритме.

Ба-дум. Ба-дум. Ба-дум.

Один удар. Два удара. Три удара. Демон откинул голову и закричал в ночные небеса: - Её предвестник прибыл!

С этими словами из окрестных лесов вырвалось насилие, врезавшись в поселение и принеся ужасный хаос на гребне своей волны.

Нечто массивное и бронзовое загремело во тьме: тяжёло бронированный джаггернаут наклонил голову и тупо сносил всё - или всех - что вставало на его пути. Он нёсся вперёд с совершенной целеустремленностью и на всей скорости врезался в помост, на котором восседали Эдред и его семья, с лёгкостью перевернув его. Эдред взлетел в воздух, потеряв из виду супругу и детей. Страх на мгновение окутал его, когда он увидел, как помост рассыпается на щепки и обломки и разлетается по сторонам. Затем что-то первобытное поднялось из глубин его нутра, и Эдред проревел ответный вызов. Он вскочил на ноги только чтобы увидеть как создание и, как теперь он отчётливо разглядел, его наездник подходит к нему.

Оружие, которое он предпочитал, наиболее эффективно было, когда им орудовали двумя руками, но Эдред был большим и сильным и прежде брал верх над любым врагом, что вставал перед ним. Он перехватил меч в правую руку и, хотя ему и понадобилось пара мгновений, чтобы приспособиться к сместившемуся центру тяжести, он знал, что и одной рукой сможет управиться с клинком не хуже, чем двумя. Он огляделся, быстрым взглядом приметив все мельчайшие детали и, наклонившись, поднял щит, валявшийся рядом с одним из его павших собратьев.

«Щит» - было довольно вольным описанием того, что для человека стати и размеров Эдреда было не большим, чем баклер, кулачный щит. Даже поднимая его с земли, он осознавал, что это даст ему не слишком великую защиту. Тем не менее, он занял оборонительную позицию, и тут монстр влетел в него. Баклер принял на себя ничтожную часть удара и раскололся. Вождь на несколько футов отлетел назад и врезался в дерево. Обычный человек бы уже не встал, ошеломлённый силой удара, сломавшего ему несколько рёбер. Но Эдред никогда не был обычным человеком. Он поднялся на ноги, вновь встал в оборонительную позицию и приготовился к новой атаке.

Провидение отблагодарило его, когда он увидел изогнутое лезвие порченого топора, со свистом устремившееся к его голове. Если бы он не смог оправиться от первоначального шока, то этот удар свалил бы его на землю с раскроенным черепом, сделав его столь же сломленным и никчёмным, как и помост, на котором он наслаждался своим вознесением некоторое время тому назад. Он подставил клинок и отвёл удар топора в дерево за своей спиной. Раздался мерзкий скрип и дерево, застонав, рухнуло.

Эдред быстро оценил своё состояние. Грудь болела нестерпимо (походу, несколько рёбер всё же было сломано), а онемевшее правое плечо висело ниже, чем левое - Эдред понадеялся, что это был вывих. Приготовившись к боли, которую, как он знал, вызовет его следующее действие, Эдред перебрался к

другому дереву и со всей мочи врезался в него вывихнутым плечом. Боль была мучительной, но он перенёс её со стоическим рыком человека, который уже переживал подобное. Его расчёт времени оказался безупречным, ибо всадник на звере уже покинул спину своего «скакуна» и отправился в его сторону.

В походке воина не было спешки. Он шёл медленно, неторопливо, но неотвратно, легко покачивая огромным топором, который без особых усилий держал одной рукой. Цель его внимания была более чем очевидной, и Эдред смотрел на него во все глаза, словно заворожённый.

Эдред сам был высоким мужчиной, шести с половиной футов роста, но этот воин возвышался даже над ним. На скоротечный миг, Эдред познал чувство, которое в битве испытывает уступающий в размерах человек, и оно ему не понравилось. И всё же, несмотря ни на что, он разжёл в себе жажду битвы. Руки его противника были толстыми, словно стволы деревьев, и закрыты пластинами брони из металла, которого Эдред ещё ни разу не видел за всю свою жизнь. С каждым шагом воина пластины, казалось, двигались и изменялись перед глазами Эдреда. Только когда колосс остановился на расстоянии человеческого роста, Эдред смог разглядеть лица, что вопили и корчились, заключённые под багровыми пластинами, запертые в вечной агонии, подобно причудливым тварям, попавшимся в кровь-янтарь.

Шлем, скрывавший его лицо, имел два рога, выходящие из висков: ужасающие штуковины, которые могли бы пронзить человека насквозь, если бы гигант захотел ударить его головой. Но не это, а оружие сильнее всего привлекло внимание Эдреда. Кромка топора не была гладкой, заточенной линией рассекающей погибели. Нет, это была зазубренная линия щёлкающих челюстей, что извивались и кусали сам воздух. Это оружие сделало бы куда больше, чем просто разрезало врага. Оно бы разгрызало и рвало его плоть.

Когда облачённый в багрянец великан подошёл на расстояние вытянутой руки, Эдред услышал крики и вопли его умирающих людей, но затем всё скрылось в абсолютной тьме. Алые глаза, пылающие огнём преисподней, уставились на него, и огромный воин поднял пылающую бронзовую руку, направив её на Эдреда. Его указательный палец распрямился и ткнул в покрытую шрамами грудь вождя. Эдред прищурился, без лишних слов понимая, что имел в виду гигант.

Звук, раздавшийся из-за лицевой пластины и приглушённый металлом, оказался не большим, чем ворчанием - странный, задушенный звук - и Эдред тотчас понял, что человек - или что бы там не скрывалось за маской - был немым. Указательный палец вновь согнулся, присоединившись к своим братьям в сжатом кулаке вызова. Не имело значения, что воин не мог говорить. Жест был прост, намерения - ясны.

Мы сразимся.

- Мы сразимся, - подтвердил Эдред. Он отвёл назад свой двуручный меч так, чтобы обе руки уравнились на его рукоятке. Осторожно вдохнув, он попытался оценить насколько сильно сломанные рёбра и недавно вправленное плечо мешают ему противостоять гиганту. После секундного размышления он решил, что всё ещё может сражаться. А пока он может сражаться, всегда остаётся шанс на то, что он сможет победить. Всего несколько часов назад он сокрушил пожизненного врага своего народа. А он был - напомнил себе Эдред - непобедимым.

- Мы сразимся, - повторил он, и его голос наполнило высокомерие и уверенность, с каждым слогом наполнявшие его. - Мы сразимся, и тогда сами боги увидят мою силу.

Со всех концов деревни, бесчисленные предававшиеся резне существа, влекомые битвой чемпионов,

начали стекаться к центральной площади, на которой лицом к лицу стояли два воина Медленно, но верно, вокруг Эдреда и его противника образовался свободный круг. Но вместо ожидаемого беспокойства, их присутствие, наоборот, наполнило Эдреда ещё большей решительностью.

Из груди огромного воина раздался ещё один неразборчивый звук, но Эдред не смог понять его. Впрочем, мгновение спустя одно из существ, окруживших двоих воинов, услужливо перевело.

- Кормак Разрушитель передаёт привет от Королевы Черепов, - прошипела тварь. - Вам действительно оказана великая честь, смертный, ибо он её вечный чемпион. Только сильнейшие души получают шанс бросить ему вызов и занять его место.

Существо шагнуло вперёд, при этом всё время оставаясь на самом краю бокового зрения Эдреда. Впрочем Эдред не стал следить за ним, внимательно разглядывая воина, которого он теперь зал, как Кормака Разрушителя. Демон за его плечом прошептал тихо, но с такой подачей, что все боевые инстинкты Эдреда запульсировали.

- Вызови его.

- *Вызови его! Вызови его!* - начали скандировать остальные существа и их голоса с каждым мгновением набирали силу и ярость. Эдред взвыл, его тело всколыхнул коктейль из гнева, выпитого попойки и уверенности в собственном мастерстве. Его зрение заволокла кровавая пелена берсерка и он взмахнул мечом. Но небольшая часть его разума знала, что он должен держать себя в руках, должен оставлять рассудок холодным. С уверенностью, приобретённой за годы, что он видел, как множество воинов нашли свою гибель, поддавшись этой жажде, он очистил свой разум от сжигающей его ярости. Медленно, кровавая пелена схлынула с его глаз, и он понял, что Кормак не двинулся. Он всё ещё стоял на месте. Он... ждал вызова. Если его не последует, то, понял Эдред, он потерпит неудачу в глазах Бога Крови.

Если он *бросит* вызов Кормаку... если сможет одолеть или подчинить себе эту тварь, то, возможно, он сам станет избранником богов. Видения подобной награды наполнили его затуманенный болью разум и прогнали все мысли о выживании. Мир сузился, всё сгнуло прочь, остались только он и чудовище.

Вызови его!

- Кормак Разрушитель, - произнёс Эдред, и его голос перекрыл вопли боли и звуки убийства, что неслись из его деревни. Он горделиво задрал подбородок. Помимо столь желанного титула Военного вождя, тронутый богом во время праздника даровал ему ещё одно имя. И он использовал его сейчас. - Я - Эдред Убийца Гномов, и я бросаю тебе вызов.

Безмолвие пало на деревню, внезапно и ужасающе. Оно накрыло деревню подобно первому зимнему снегопаду, вызвав неестественное спокойствие. Кормак оставался неподвижным, словно литая статуя из глубочайшего багрянца, а затем отнял руку от бока и вытянул кулак в сторону Эдреда. На этот раз он приглашающе поманил своего противника.

Эдред не заставил себя долго упрашивать. Где-то внутри он знал, что, возможно, только что обрёл себя на гибель. Всё, что оставалось, сделать свою смерть достойной воина его племени и угодить богам. И получить свою окончательную награду. Он рванул к Кормаку, его меч, убийца бесчисленных врагов, качнулся в идеальной дуге. Лезвие столкнулось с перекрывающимися пластинами доспеха чемпиона Хаоса со звуком, напоминающим звон погребального колокола. По реакции, что последовала за этим, он с таким же успехом мог ударить по каменной стене. Отдача вернулась в рукоятку меча, и руки Эдреда жестоко тряхнуло. Впервые на его памяти он выпустил своё оружие из рук в самый разгар боя.

Чудовищность момента, впрочем, не смогла надолго сбить его с толку. Он бы не достиг положения военного лидера, если бы терял хватку - буквально или образно - в разгар сражения. Он цеплялся за клинок изо всех сил, но отдача была столь чудовищно сильна, что оружие упало в грязь у его ног. Сутулясь, что едва ли можно было счесть достижением его оппонента, Кормак наклонился и небрежным движением отбросил оружие прочь.

Первоначальная уверенность Эдреда, уверенность в безоговорочной победе, внезапно покинула атамана, словно от прикосновения холодного края ножа суровой реальности, и он огляделся вокруг в поисках хоть чего-нибудь, что можно было использовать в качестве оружия. Его взгляд упал на булаву, выпавшую из рук одного из его павших соплеменников, и он упал на землю, уворачиваясь от смертельного удара топора Кормака. Перекатившись, он схватил оружие и вновь вскочил на ноги.

- Нет! - его вызывающий крик разорвал тишину ночи. - Я зашёл слишком далеко, чтобы проиграть! Ты не возьмёшь меня!

Он, словно выпущенный из катапульты, рванул к Кормаку. Его булава превратилась в размытое пятно, когда он обрушил её на чемпиона. Первый удар вызвал такую же, сотрясающую руки до самых костей отдачу и столь же невеликую реакцию от чемпиона Королевы Черепов. Второй удар, пришедшийся в то же плечо, заставил Кормака слегка покачнуться, что вновь подняло к небесам высокомерие Эдреда. Третий удар, отлично нацеленный и прекрасно рассчитанный, достал Кормака в шею. Голова чемпиона крутанулась на бок с отлично слышимым характерным треском.

Повернувшись с медлительной неотвратимостью, Кормак посмотрел на Эдреда, глаза чемпиона слабо сверкнули за лицевой пластиной рогатого шлема. Эдред встретил взгляд гиганта, уверенно и вызывающе посмотрев в ответ. Он твёрдо стоял, сжимая булаву своего павшего воина. Твёрдо стоял на защите своей земли.

- Ты не возьмёшь меня, - тихо повторил он.

В ответ Кормак выбросил свой огромный бронзовый кулак. Он врезался в лицо Эдреда с влажным звуком разрывающейся кожи и ломающихся костей. Пальцы Эдреда разжались, выпуская булаву, которая в тот же миг улетела куда-то в сторону. Кровь плеснула из раздробленного носа, и Эдред шагнул назад, выплёвывая выбитые зубы. Другой кулак в сокрушительном апперкоте нашёл челюсть Эдреда и убийца гномов отлетел прочь и рухнул на холодную землю, избитый и сокрушённый. Круг демонов закудахтал, засмеялся и заклокотал от удовольствия при этой сцене.

Нет! Он не допустит этого. Он ещё не сломан. Пока ещё нет. Он был всё ещё жив. Всё ещё мог сражаться. Сквозь туман из слёз, крови и боли, он огляделся в поисках оружия. И тут он увидел нож, крепко зажатый в оторванной руке. Он потянулся к нему и вдруг узнал его. Он узнал связывающее клеймо на руке, ибо оно в точности совпадало с таким же на его собственной.

Это была рука его жены. Это был её нож.

Холод осознания врезался в него, и высокомерие покинуло Эдреда, оставив лишь сокрушённого воина. Но он был бы ничем, если бы изменил своей природе. Когда кривая улыбка топора Кормака устремилась вниз, он выхватил нож из мёртвой руки супруги. В отчаянной попытке отклонить удар он попытался - что не удивительно, безуспешно - остановить удар Кормака, удар, что впился в него, разрывая от плеча до бедра. Это была смертельная рана, но Эдред умер не сразу.

Так легко смириться с поражением было просто не в его характере.

Когда он заканчивает свою историю, я смотрю на человека. Он откидывается на кровать, его глаза закрыты, а лицо - ужасного землисто-серого цвета. Усилия, которые потребовались, чтобы поведать нам его историю, отобрали у него последние силы. Поленья в костре превратились в угли, и слабое оранжевое свечение мелькало на деревянных стенах.

Я перевожу взгляд на старейшего, и вижу, что он в ужасе уставился на варвара, а затем вновь смотрю на воина.

- Ты - он, не так ли? - вопрос кажется лишним, и всё же он срывается с моих губ, и даже до того, как воин слабо кивает головой, я понимаю, что это он. Повреждения Эдреда совпадают с описанной им раной, нанесённой в его рассказе чемпионом богов. Ему нет смысла лгать нам. Нет никаких оснований думать, что он поведал что-либо, кроме правды.

Кроме одной вещи.

- Ты сказал, что получил свою награду, - заметил я, и удивился: мой голос звучал неестественно громко даже для меня самого, - но ты на пороге смерти. Смерть - награда, которую жаждут твои люди?

Он смеётся. Слабый звук, который резко замолкает, переходя во влажное бульканье, когда кровь медленно заполняет его лёгкие. Больше я ничего не смогу для него сделать, и всё же использую всё, что в моих силах, чтобы продлить ему жизнь. Чтобы он закончил свой рассказ. Он сжимает руки в кулаки, затем его пальцы отчаянно вцепляются в воздух, в поисках последнего шанса сказать то, что он так явно желает нам поведать.

- Моя награда, - говорит он голосом, напоминающим шёпот в буре, - принести слово о прибытии Кормака, чемпиона Валькии Кровавой. Я - его вестник. Есть ли большая честь, чем нести весть о прибытии слуг Бога Крови?

Моя кровь превращается в лёд, я хватаю умирающего за руку и обмениваюсь взглядами со старейшим. Старейший сидит неподвижно, его взгляд блуждает где-то далеко, словно он и не слышал слов Эдреда. Но он их слышал. Это читается в ужасе в его глазах, в жалком страхе, исказившем его черты.

- Но мы же мирные. Мы... мы ничего не сделали, чтобы навлечь на себя гнев богов! - мои мольбы звучат жалко и по-детски, и Эдред пожимает плечами, от этого движения ещё больше крови изливается из ужасной раны на груди.

- Не важно, откуда течёт кровь, - шепчет он. - Важно лишь то, что она течёт.

Среди последних звуков, изданных посланником Кормака, был смех, грозящий и утрашающий. Он выкашливает ещё один поток крови, окрашивая красным бородатое лицо, и наполняя воздух едким запахом желчи и смерти. Приподнявшись, чтобы схватить меня за руку, Эдред произносит свои последние слова, едва слышимые из-за рёва тревожного рога.

- Её вестник идёт, - на его пересохших, потрескавшихся губах появляются кровавые пузыри, а рука, сжимающая моё предплечье, становится жёсткой. И тогда я слышу звук, звук, что идёт снаружи хижины. Звук, который я не замечал, увлечённый рассказом Эдреда. Ритмичный гром. Чудовищное сердцебиение.

Ба-дум. Ба-дум. Ба-дум.

- Этого не может быть, - жарко шепчу я труп Эдреда. - Это не на самом деле. Это какое-то мерзкое

колдовство? - слова остались без ответа, и все мои надежды, что я просто нахожусь в каком-то наваждении, разлетаются в щелы вместе с хижинкой, в которой мы сидим. Старейший издал слабый крик, прежде чем был сбит с ног и отшвырнут в дальнюю стену. Его тело безжизненно сползло на пол клубком из вывернутых конечностей и сломанных костей, проткнутым острыми обломками.

Я смотрю на него и всё, о чём могу думать, что старейший благословлён, умерев так быстро. Багрово-красные угли из костра рассыпаются по телу старейшего и одеялу, которым был укрыт Эдред. Спустя несколько мгновений их тела поглощает огонь. Их одежда обращается в пепел за несколько секунд, но плоть горит немного дольше. Несмотря на то, что всё моё существо кричит мне «убегай!», я остаюсь и пытаюсь погасить разгорающийся пожар, но это жест отчаяния. Я стар. Старуха, чьё время почти закончено. Мои усилия бесполезны.

Я понимаю слишком поздно. Слишком поздно для любого из нас. Сухая солома и грубые деревянные стены хижины занимаются быстро, и по мере того, как ад поднимается вокруг меня, чувства уходят в никуда. Мои глаза улавливают движение в вихре голодного огня, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть силуэт, что неспешно идёт ко мне.

Её предвестник пришёл. Такой же, каким описал его Эдред, но только более реальный и ужасающий, чем я мог себе представить. Это кошмар во плоти. Детали, которые Эдред опустил в своём рассказе, плывут в болезненно-резком фокусе, когда мой взгляд упирается в Кормака Разрушителя.

Он огромен, размером с трёх воинов моего народа, и восседает на спине могучего существа, твари, которую можно было представить лишь в ужаснейших ночных кошмарах или шёпотом рассказывать на зимних посиделках у ночного костра. Инфернальное сияние огня блестит на кроваво-красной броне, которая закрывает, как зверя, так и его наездника. Я поглощён страхом и не могу упустить ни одну деталь, даже когда каждая частичка моего старого тела кричит: «беги!», «спасайся!». Каждая крошечная чёрточка многократно увеличивается в тисках охватившего меня ужаса.

Я больше не вижу ничего, кроме его массивной туши - возвышающегося ожившего воплощения резни. Но по мере того, как чудовище приближается, раскрывается полный ужас его облика. Рогатый шлем, что скрывает лицо воина. Символ черепа, что украшает грудь его доспеха. Рука из связанной бронзы и жидкого огня и топор, который он держит в своём пылающем кулаке. Двое смертных не смогли бы его даже поднять, гигант же держит его одной рукой без видимых усилий. Он протискивается глубже в рушащуюся хижину, пренебрежительно расталкивая плечами горящие балки, и я вижу зазубренные края его кошмарного оружия. Я в кратчайшее мгновение выхватываю мельчайшие детали и погружаюсь в безумие. Мой разум отступает от ужаса, наполняющего лики, заключённые в топоре. Это не может быть реальным. Он не издаёт ни звука, и всё же угроза ощутима.

Его «конь» - покрытый бронёй зверь, подобного которому я никогда не видел, и имя которого я не могу назвать. Его отполированная плоть ярко освещается пламенем, подчёркивая каждое движение могучих мышц, что играют под его бронированной шкурой. Повинуясь безмолвной команде, он опускает широкую голову, скребя копытом по земле, пока всадник спешивается. Подобного ему я никогда не видел. Я даже не представлял, что кто-то вроде него может существовать. Но история Эдреда ещё свежа в моей памяти и я знаю, кто это.

- Кормака.

Фрагменты реальности возвращаются в моё сознание, и я слышу крики. Ужасные, полные боли крики, идущие снаружи. Я смотрю за пылающие стены своей хижины и вижу, что деревня объята огнём.

Неведомые существа снуют туда-сюда, и некоторые явно имеют куда больше конечностей, чем должно было быть. Животные, люди, чудовища. Всюду, куда ни падает мой взгляд, я вижу, как демоны разрывают моих сородичей, расчлняя, отрывая конечности и пируя на празднестве кровопролития. Некоторые пытаются сопротивляться, но тщетность их усилий очевидна. Отчаяние истекает из моих соплеменников, так же, как жизнь течёт из них вместе с красными потоками. Хлещет кровь.

Кормак подходит ко мне, его бронированная поступь отражается в каждом ударе моего тяжело бьющегося сердца, и я застываю, не в силах пошевелиться. Голый ужас замораживает мои конечности. Он - теперь, узнав его, я больше не могу думать о нём, как «оно» - останавливается и смотрит на наполовину сгоревшее тело Эдреда.

Топор опускается вниз в единственном идеальном махе и отделяет голову от тела. Кормак поднимает омерзительный трофей к небесам и в этот миг, я на мгновение увидел, как, должно быть, выглядел Эдред, поднимая отрубленную голову гномьего короля.

Багровые, похожие на кузнечные угли глаза наполняются ненавистью в глубине скрывающего лицо шлема... и поворачиваются ко мне. И тут шок от их вида, наконец, возвращает жизнь в мои конечности. Несмотря на то, что мой день уже близок к закату, мои ноги ещё помнят, как они должны работать, и я призываю их исполнить своё предназначение. Я преодолеваю боль прожитых лет и срываюсь в бег. Слезы ослепляют меня и вместе с заполнившим хижину дымом грозят дезориентацией и смертью. Мне некуда бежать. Нет святилища, где можно было бы укрыться. Невозможно скрыться от жестокой судьбы, что уготована мне.

Демоническая орда, что уничтожила деревню Эдреда, хлынула с севера и принесла погибель и нам. Она следовала за запахом крови варвара, и теперь пришёл наш черёд. Мы не сделали ничего, чтобы заслужить это. Просто жили. Существовали. Наша попытка бороться с варварскими инстинктами внутри нас и принять более мягкую жизнь южных племён - вот, что обрело нас.

Я останавливаюсь, вытирая слёзы и пепел со своих глаз. Я не убегу далеко. Мои старые ноги всё равно не смогут нести меня с большей скоростью, и я останавливаюсь, когда огромная багровая плита ужаса по имени Кормак Разрушитель, мельком появляется на моём пути. Я разворачиваюсь и устремляюсь в другую сторону. Моё сердце тяжело бьётся в груди и я игнорирую боль, охватившую левую руку. Уже несколько месяцев я живу с этой болью и ей не сломить меня. Вызов разгорается. Тот же вызов, что много лет назад заставил меня отказаться в помощи раненому.

«Я не уйду тихо», клянусь я.

Я спотыкаюсь, когда огромная, напоминающая собаку зверюга - одна из разновидностей гончих - наскокивает на убегающего жителя деревни, её массивные челюсти смыкаются на черепе несчастного, а затем тварь отрывает голову от тела в фонтане крови. Повсюду выпотрошенные тела, оторванные конечности, лужи крови и ошметки мяса. Крики растут, достигая высочайшего накала беспримесного, чистого ужаса, а затем переходят в рыдание. В молитву о милосердии. Молитву о пощаде, которой не будет.

Мои глаза выхватывают косматого грабителя в забрызганной кровью броне, размахивающего злобного вида клинком и пожинаящего жизни остальных моих родичей, словно жнец на пшеничном поле. Даже сейчас, когда всепоглощающий ужас охватил мой разум, я помню услышанные в детстве легенды о девочке, Королеве Черепов, что пожинала их урожай для Кровавого Бога. Это были истории, чтобы пугать детей. Сказки! Они не должны были быть правдой!

Всюду огонь. Кажется, весь мир окутан пламенем. В глубине души я вижу того человека, в помощи которому я отказал столь много зим назад. Рыдающий вопль вырывается из моего горла, присоединяясь к ору и воплям, поднимающимся над деревней, и бесследно растворяется в них. Я навлек это на мой народ. Мне следовало последовать совету старейшего и оборвать страдания Эдреда. Столь долго сохраняя ему жизнь, я позволил вестнику Хаоса привести это сюда. К моим соплеменникам.

Вновь я слышу теперь знакомое до боли позвякивание брони Кормака и понимаю, что он снова приготовился не допустить моего побега. Поражение близко, но, как и Эдреда, гордость выпрямляет мой позвоночник. Я не мог спасти моих людей. Но ещё оставался шанс, что я смогу спасти себя.

Это чувство не продлилось очень долго. Стаккато боевого клича одного из демонов сотрясает мой и так уже нестабильный разум, почти доводя его до точки, за которой остаётся лишь безумие. Я цепляюсь за крошечный кусочек чистой ясности, что ещё остаётся у меня посреди всего этого кошмара. Я пытаюсь успокоить себя тем, что всё ещё контролирую свои руки и сжимаю кулаки, мои отросшие ногти впиваются в розовую плоть ладони и оставляют свежие красные рубцы, которые тут же наполняются кровью. Я закрываю глаза. Я дышу. Но ничто из этого не помогает.

Кирпичик за кирпичиком стена моего благоразумия рассыпается, и муки и безумие заменяют каждую ясную мысль и отчаянную надежду. И, наконец, Кормак Разрушитель, Предвестник Королевы Черепов, заканчивает игру - что бы та не представляла - в которую играл со мной и встал передо мной, кусачие челюсти его демонического топора пережёвывали воздух в своей жажде вкусить плоть и ужас.

Я открываю глаза. Я поднимаю взгляд. И выше, и ещё выше, пока не встречаюсь с пылающими глазами этого монолитного носителя разрушения. И тут со мной происходит что-то странное: мне кажется, будто я смотрю извне своего тела. Как будто наблюдаю за смертью кого-то другого, какой-то иной жертвы. Это ужасный опыт, который одновременно кошмарно-реальный, но и странно беспристрастный. Моё собственное безумие удерживает меня неподвижно и не даёт мне совершить последнюю попытку к бегству, пока топор Кормака опускается к моему плечу.

Я ощущаю бритвенно-острые демонические зубы, разрывающие плоть, мышцы, кожу и сухожилия. Даже когда моя рука отваливается от моего тела и падает на землю дёргающимся в конвульсиях кровоточащим куском мяса и костей, это на самом деле словно бы и не моя рука вовсе. Я даже не замечаю боли. Это смертельная рана, но она отлично рассчитана и идеально нанесена. Несмотря на мой возраст и тяжесть увечья, рана не убьёт меня немедленно. Я ничего не делаю, чтобы остановить кровь, бьющую из развёрзшейся улыбки на своём теле, и просто смотрю на своего убийцу. Я жду смертельного удара. Но мои ожидания не оправдываются. Вместо этого Кормак легко закидывает на плечо свой чудовищный топор. Крошечные, монструозные ручки протягиваются к нему и крепко приторачивают оружие к спине моего убийцы. Он смотрит на меня сверху вниз. Он указывает на юг.

Я точно знаю, чего он хочет от меня. Он может быть немым, это чудовищное создание иного мира, но его послание совершенно ясно для меня. Кормак опускает одну руку в шипастой перчатке и вздёргивает меня на ноги. Боль в моём плече отзывается воплем на такое обращение, и я жутко слабею от мучений. Мой мир плывёт и теряет очертания и мой взгляд наполняется кровью и огнём. Для меня не будет лёгкого освобождения. Ибо Кормак выбрал своего нового глашатая.

Он снова указывает, а затем лёгким, почти нежным движением подталкивает меня в спину латной перчаткой. Подхваченный чем-то, что я даже не надеюсь понять, я киваю, и с моих губ срывается нечто между хихиканьем и рыданием. Я отступаю на три шага, мои глаза последний раз скользят по руинам деревни, а затем я поворачиваюсь и бегу на юг. Следующие племя - это не более чем полдня пути через

лес. Моя ужасная рана слабо пульсирует, жестокие силы, связанные с оружием Кормака, предпочитают забирать мою жизнь крошечными кусочками, а не милосердно прикончить меня сразу. Кровавый след отмечает мой путь.

Я продираюсь сквозь лес, сучья и ветви тянутся ко мне, словно жадные пальцы. И лишь трём словам позволено покидать мою глотку. Три слова.

- Её предвестник идёт!

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Предвестник_/_Harbinger_\(рассказ\)&oldid=9402](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Предвестник_/_Harbinger_(рассказ)&oldid=9402)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 12:02.